

**Дмитрий Владимирович Березняков**

кандидат политических наук, доцент,  
заведующий кафедрой государственного  
и муниципального управления  
Сибирского института управления –  
филиала РАНХиГС при Президенте РФ,  
г. Новосибирск, Россия.  
E-mail: bereznyakov@ngs.ru

**Сергей Васильевич Козлов**

кандидат исторических наук, доцент,  
декан факультета политики и международных  
отношений Сибирского института управления –  
филиала РАНХиГС при Президенте РФ,  
г. Новосибирск, Россия. E-mail: feld@ngs.ru

## **АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

Антикоррупционная политика и соответствующий ей антикоррупционный дискурс на сегодняшний день являются важнейшими атрибутами политико-административной логики неолиберализма как на глобальном, так и на национально-государственном уровне. Вместе с тем научное рассмотрение данной проблематики требует дистанцирования от указанной нормативно-идеологической установки, которая ориентирована на легитимацию актуального состояния эффективности государственного управления. В этой перспективе феномен коррупции можно рассматривать как социальную проблему, которая активно конструируется многообразными акторами публичной политики, использующими в этом процессе различные риторические стратегии. Соответственно успешность «публичной карьеры» сконструированной социальной проблемы, ее способность попасть в институциональную повестку органов власти определяются и ресурсами акторов, которые ее продвигают, и имманентными характеристиками проблемных зон, то есть тем инструментарием, при помощи которого был тематизирован тот или иной сегмент социальной реальности. Если сделать исследовательский акцент на институциональных акторах, участвующих в реализации определенных политических курсов, то феномен коррупции можно назвать «удобным врагом» государства. Реконструкция стратегического поведения силовых ведомств современных государств в публич-

ном пространстве позволяет сделать акцент на механизмах, которые они используют для того, чтобы обеспечить свое стабильное функционирование, выстраивая карьеры сотрудников с учетом заведомо неустрашимости этих социальных проблем. Поэтому перед ними встает двойная задача: необходимо постоянно заявлять о серьезности коррупции как важнейшей проблемы, но при этом демонстрировать эффективность административных и правоприменительных практик по борьбе с ней. Отсюда коррупция как «удобный враг» государства потенциально может рассматриваться в логике секьюритизации, что означает приписывание ей статуса угрозы безопасности. Секьюритизированная проблема коррупции превращается в объект деятельности профессионалов-технократов и спецслужб, что минимизирует участие представителей гражданского общества в процессе решения данной проблемы. В конечном счете логика секьюритизации может обернуться ведомственной монополией на формулирование проблем и способов их решения, в своем пределе переводя политический процесс в состояние чрезвычайного положения.

*Ключевые слова:* антикоррупционная политика, политико-управленческий цикл, секьюритизация, социальная проблема, «удобный враг».

На сегодняшний день антикоррупционная политика выступает как одно из наиболее символически маркированных явлений в сфере государственного управления. Подобные явления, к числу которых можно отнести и такие элементы неолиберальной административной моды (См.: Дьякова, Трахтенберг 2017), как государственно-частное партнерство, электронное правительство и др., призваны продемонстрировать на локальном и глобальном уровнях ключевые приоритеты в деятельности современных государств безотносительно к формам политического режима и специфическим характеристикам национальных политических и административных культур. Это позволяет дистанцироваться от институционального контекста и реальных управленческих практик, сложившихся в конкретных странах, при принятии политических решений и перераспределении публичных благ. Иными словами, можно говорить о наличии определенного «пакета» обязательных и универсальных менеджериальных инструментов и технологий государственного управления, среди которых противодействие и борьба с коррупцией играют важнейшую роль. Соответственно антикоррупционный дискурс, обеспечивающий легитимацию тех или иных государственных решений, приобретает глобальный характер и тяготеет к экономикоцентричной риторике,

которая созвучна общему тренду на изучение коррупции в категориях современной экономической науки. Анализ исследований по антикоррупционной проблематике позволяет говорить о том, что «государство как область для функционирования политической коррупции остается в фокусе наиболее цитируемых статей, однако интерпретация и объяснение политического начинается выстраиваться через экономическую аргументацию» (Рогозин 2012: 26). Стоит подчеркнуть, что экономикоцентризм в осмыслении феномена коррупции успешно переводится на язык юриспруденции, так как эффективное принятие решений предполагает его инструментально-рациональную фиксацию в виде соответствующего антикоррупционного законодательства. Считается очевидным, что само наличие рациональных и легальных норм способно «победить болезнь», поскольку та социальная реальность, которая подвергается юридическому нормированию и контролю, носит гибкий характер и может быть реформатирована под воздействием «правильных» законов.

Вместе с тем, несмотря на очевидный технократизм данной риторики и нейтрализацию собственно политического понимания феномена коррупции, в данном случае мы имеем дело с языком конструирования социальной реальности, за которым стоит монополия государства на символическое насилие, задающая общие параметры видения и деления социального мира. Иными словами, здесь мы обнаруживаем не язык науки, а язык политико-административной практики и идеологии. Отсюда возникает значимая потребность в научном дистанцировании (или отстранении) (См.: Волков 2018: 12) и осмыслении данных практик навязывания определенных мыслительных схем и представлений, посредством которых «государство прививает схожие когнитивные структуры всему множеству агентов, находящихся в его юрисдикции» (Бурдые 2016: 325). В этой связи одним из актуальных аспектов анализа антикоррупционной политики является смещение исследовательской оптики в сферу того, как государство, обладая ресурсами монополии на легитимное насилие, тематизирует социальную реальность и на уровне институциональных акторов реализует определенные стратегии публичной политики. При этом следует учитывать принципиальное различие политики как борьбы за власть (*politics*) и политики как этапизированного процесса реализации определенного публичного

курса (в данном случае – борьбы с коррупцией), направленного на решение социальных проблем (*policy*).

В политических науках, для того чтобы описать процесс реализации политического курса, используется концепция политико-управленческого цикла. Ее суть состоит в том, что процедура принятия государственных решений раскладывается на несколько самостоятельных фаз, в каждой из которых действует определенный набор акторов. В целом в исследовательской литературе обычно выделяют пять основных этапов (стадий) политико-управленческого цикла (См.: Jones 1970). Первый этап – конструирование «повестки дня» (*agenda-setting*), выявление актуальных социально значимых проблем, решение которых требует вмешательства органов власти. Второй этап – формулирование альтернативных вариантов решений (*policy formulation*), которые выдвигаются не только политическим руководством и бюрократией, но и политическими партиями, группами интересов, представителями общественности и масс-медиа. Третий этап – выбор единственного варианта решения и утверждение его в качестве нормативного акта (*decision*). Четвертый этап – реализация данного решения (*implementation*). Наконец, пятый этап – оценка результатов (*policy evaluation*). Таким образом в рамках исследований процесса принятия политических решений конструирование повестки дня традиционно рассматривается как важнейшая и при этом начальная стадия политико-управленческого цикла (См.: Бычкова 2018: 50-102; Вандышева 2017; Дегтярев 2004: 217-242). На данной стадии акторы публичной политики, используя различные ресурсы и риторические стратегии, участвуют в конструировании социальных проблем как потенциальных структурных элементов повестки дня.

Стоит отметить, что современное государство вовлечено в процесс конструирования политической повестки различными способами. Обладая ключевым символическим ресурсом – монополией на легитимную классификацию различных сфер социальной реальности, оно выступает как «поставщик универсального» – принимаемых и разделяемых всеми нормативных категорий классификации, посредством которых оно не только само видит свои объекты управления, но и создает условия для включения этих легитимных конструкций в коммуникативные практики негосударственных акторов, отдельных граждан и их объединений.

Однако в публичном пространстве государство являет себя не только как обезличенная абстракция, генерирующая «всеобщее и универсальное». Оно функционирует и как совокупность различных государственных ведомств, проектирующих и реализующих (в первую очередь через пресс-службы и PR-подразделения) собственные публичные и медийные стратегии продвижения социальных проблем в качестве структурных элементов политической повестки.

В свою очередь в рамках конструкционистского подхода социальные проблемы предстают в виде процесса выдвигания утверждений-требований, а не объективного состояния, обладающего очевидным дисфункциональным характером. Этот процесс предполагает деятельность организаций, ведомств, групп и индивидов (публичных политиков), которые продвигают ту или иную проблему в публичном пространстве (См.: Дьякова 2006; Полач 2010; Ясавеев 2004). При этом исследовательский акцент, как правило, делается на множественности повесток, в зависимости от типов акторов, которые участвуют в политическом процессе. В этом смысле повестка, формируемая медиа, может не совпадать с повесткой органов публичной власти или политических партий и структур гражданского общества. Соответственно успешность «публичной карьеры» сконструированной социальной проблемы означает ее способность попасть в институциональную повестку органов публичной власти (См.: Cobb, Elder 1983), что непосредственно характеризуется как ресурсами тех акторов, которые ее продвигают, так и тем, каким способом, при помощи каких риторических приемов был тематизирован тот или иной сегмент социальной реальности. Можно сказать, что ресурсное неравенство акторов публичной политики при конструировании повестки дня является нормой и напрямую определяет характер формируемой медиаполитической картины реальности. Согласно этой логике внутригосударственные акторы, которые непосредственно осуществляют имплементацию курсов публичных политик (в том числе и в области борьбы и профилактики коррупции), при определенных условиях имеют приоритетные возможности для продвижения собственной риторической конструкции социальных проблем, «приписанных» за ними в силу их профильной специализации. Такая ситуация со всей очевидностью провоциру-

ет формирование ведомственной монополии на базовые способы тематизации различных секторов деятельности органов государственной власти и управления, когда в результате возникает, по терминологии Джозефа Гасфилда, «собственность на проблему» (Gusfield 1981: 10), то есть возможность создавать и навязывать ее публичное определение. В этой связи процесс имплементации государственных решений, попавших в институциональную повестку, всегда связан с выделением серьезных организационных, материально-финансовых и символических ресурсов, попадающих под бюрократический контроль соответствующих ведомств, которые стремятся упрочить свое стабильное функционирование. Таким образом, возникает ведомственная заинтересованность в поддержании существования той или иной проблемы в институциональной повестке и, как следствие, вырабатываются адекватные ей риторические стратегии их конструирования, тяготеющие к монополизации всего потенциала возможных публичных интерпретаций. Наиболее подходящими социальными проблемами в этой логике, как правило, становятся те, которые маркируют различные варианты социальных девиаций и нарушения нормативного порядка общества, «осквернения» его фундаментальных ценностей и институтов. Это дает возможность структурам, которые ведут борьбу с подобными проблемами, приобретать символический ресурс собственной легитимации, претендуя на роль «спасителей» и «борцов» за порядок и справедливость<sup>1</sup>.

Соответственно проблемы коррупции, наряду с проблемами наркотиков, алкоголизма, разнообразными формами бытового насилия и девиантного поведения, получают в силу своего символического потенциала (включая и политическую мобилизацию различных социальных групп по борьбе с ними), дополнительные шансы стать тем, что Нильс Кристи и Кеттиль Бруун предложили в свое время при изучении наркополитики в скандинавских странах называть «удобными врагами». Как пишут данные исследователи, «удобный враг – это тот, кто никогда не

---

<sup>1</sup> Данный исследовательский аспект анализа антикоррупционной политики, связанный с символическими практиками очищения и восстановления оскверненного (в силу разных причин) нормативного порядка, активно практикуется в рамках социально-антропологического подхода к исследованию коррупции (См.: Седлениекс 2007).

умирает. Генералы стремятся к победам, но далеко не всегда – к миру. Если потери войны не особенно велики, лучше всего постоянно поддерживать теплящийся огонь войны и по мере сил отдалять полную капитуляцию противника. В стратегическом плане это осуществляется следующим образом: постоянно сообщается о военных успехах и небольших победах, но враг настолько могуществен и хитер, что опасность для отечества по-прежнему сохраняется» (Кристи, Бруун 2004: 63-64). В свою очередь российский социолог Искэндэр Ясавеев, опираясь на концептуальные разработки Говарда Беккера (См.: Беккер 2018), подчеркивает, что на стадии институционализации социальных проблем ведомства, которые призваны их решать, встают перед так называемой «двойной задачей»: «С одной стороны, они должны демонстрировать, что “их” проблема по-прежнему является очень “серьезной”. С другой стороны, необходимо показывать, что предпринимаемые ими усилия по изменению ситуации эффективны» (Ясавеев 2016: 9). Далее, анализируя российский вариант наркополитики как «удобного врага», он реконструирует тот набор идиоматических ресурсов, использовавшихся сотрудниками уже реформированной ФСКН, который по совокупности предлагает называть «риторикой контролируемого бедствия»; главная цель ее – решать описанную выше «двойную задачу» демонстрации неослабевающей значимости проблемы и собственной ведомственной эффективности по борьбе с ней.

Итак, государственные ведомства как один из базовых акторов, формирующих политическую повестку на начальной стадии политико-управленческого цикла, активно участвуют в конструировании публичных проблем. «Удобный враг» в качестве публичной проблемы предоставляет возможность государственным ведомствам легитимировать свою работу, демонстрируя собственную эффективность, но при этом настаивая на том, что сама проблема не исчезает, а имеет тенденцию к усилению. Подобного рода проблемы, находясь в «собственности» этих ведомств, позволяют редуцировать количество публичных акторов, способных продвинуть альтернативные версии их конструирования. Фактически речь идет о том, что граждане начинают видеть социальную реальность в определенном ее сегменте как удобную самим бюрократическим институциям, а повестка, ко-

торая получается в результате такой риторической работы, может выражать не публичные, а ведомственные интересы.

В рамках описанного выше ракурса интерпретации деятельности акторов публичной политики представляется возможным определенным образом усилить акцент на значимости риторической работы по проблематизации социальной реальности в плане изысканий в области проблем секьюритизации Копенгагенской школы исследований проблем безопасности<sup>1</sup>. Несмотря на то что в рамках данных исследований основное внимание уделялось вопросам теории и практики современных международных отношений, некоторые важные идеи этой школы могут быть использованы и при анализе внутривластной активности современных государств. Изучение социальных проблем в формате «удобных врагов» государства актуализирует их связь с расширением проблематики безопасности и механизмов секьюритизации как риторической стратегии поведения государства, за которым стоит существенное усиление роли исполнительной власти в реализации государственной политики.

Представители Копенгагенской школы рассматривают секьюритизацию как «дискурсивный процесс, посредством которого в политическом сообществе конструируется межсубъектное понимание и отношение к чему-либо как экзистенциальной угрозе ценному референтному объекту; процесс, позволяющий призывать к безотлагательным и исключительным мерам, направленным на то, чтобы справиться с этой угрозой» (Busan, Waever 2003: 490). В этом смысле безопасность оценивается как дискурсивная практика, которая направлена на изменение расстановки политических сил и приоритетов. В ходе данного процесса различные группы и политические силы стремятся закрепить в обществе определенное понимание характера угроз. Если одна из сил добивается успеха, то общество начинает воспринимать угрозу как реальную, после чего начинают приниматься соответствующие нормативные акты, выделяются и перераспределяются ресурсы вплоть до введения чрезвычайного положения. Копенгагенская школа настаивает на том, что секьюритизация предполагает возможность перевода политики из процедурной в чрезвычайную: если есть угроза коллективному субъекту, то

---

<sup>1</sup> Такое название связано с тем, что эта школа возникла на базе Копенгагенского института исследований проблем конфликта и мира (COPRI).



нужно действовать быстро и оперативно. Поэтому, двигаясь по пути формально-легальных и демократических процедур, можно потерять драгоценное время для принятия быстрых и эффективных управленческих решений. В итоге политический процесс сводится к технократической схеме утверждения публичных решений с очевидным приоритетом участия исполнительных органов власти. Как подчеркивает в этой связи Владимир Малахов, «политика как сфера деятельности сначала редуцируется к роду занятий специалистов, обладающих для этого особой квалификацией, а затем этим специальным персоналом отдается прерогатива в формулировании стратегий устранения опасностей» (Малахов 2013: 151). Согласно установкам Копенгагенской школы любой вопрос или проблема могут располагаться в трех различных зонах. Первая зона – деполитизированная. Проблемы, которые находятся тут, не расцениваются как политически актуальные. Вторая зона – политизированная, когда политические акторы конструируют повестку, которая представляет из себя структурированный набор сконструированных социальных проблем, требующих соответствующей публичной политики. Наконец третья зона спектра – секьюритизированная. Проблема начинает рассматриваться как до предела политизированная, угрожающая безопасности коллективного субъекта (См.: Busan, Waever, Wilde 1998: 23-24). Иными словами, безопасность этого субъекта предполагает наличие угроз, которые, очевидно, могут конструироваться в логике «удобных врагов». При этом такой сконструированный «удобный враг» расценивается как секьюритизированная проблема, которая для своего решения требует безотлагательного вмешательства профессионалов и спецслужб. Создается потенциальная ситуация, когда общество превращается в пассивного наблюдателя за тем, как государственные ведомства изо всех сил начинают спасать его от явных или скрытых угроз. Стоит отметить, что стратегии секьюритизации социальных проблем оказывается комплиментарен конспирологический дискурс, который настаивает на непрозрачности принятия некоторых принципиальных политических решений публично нефиксируемыми индивидуальными или коллективными акторами.

Таким образом, антикоррупционную политику в перспективе представленной выше исследовательской оптики можно рассматривать как этапизированный политический курс, им-

плементация которого предполагает участие государственных и негосударственных акторов в конструировании проблематики коррупции с использованием различных риторических стратегий в публичном пространстве. В ситуации ресурсного неравенства акторов (неравные материально-технические, финансовые медийные и другие возможности) органы исполнительной власти и их ведомства, реализующие антикоррупционную политику, могут использовать риторическую стратегию конструирования «удобного врага» как секьюритизированной социальной проблемы. Такая стратегия позволяет при определенных институциональных условиях и существующей политической культуре минимизировать количество участников публичной политики, вовлеченных в борьбу с коррупцией, создав ведомственную монополию на продвижение антикоррупционной проблематики и административных практик по имплементации соответствующей повестки дня. Соответственно анализ антикоррупционной политики предполагает изучение тех механизмов, которые позволяют институтам гражданского общества реально влиять на формирование антикоррупционных повесток в условиях различных типов политических режимов и административно-управленческих культур с учетом потенциала сравнительного политологического анализа.

*Материал поступил в редколлегию 20.10.2018 г.*

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беккер Г. 2018. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М. : Элементарные формы. 272 с.
- Бурдые П. 2016. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М. : Издат. дом «Дело». 720 с.
- Бычкова О.В. 2018. «Умное регулирование»: как предотвратить появление необоснованных регулирующих правил : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 392 с.
- Вандышева Е.А. 2017. Эволюция концепта «политическая повестка» в зарубежных политологических исследованиях // Мировая экономика и междунар. отношения. Т. 61, № 4. С. 91-99.
- Волков В.В. 2018. Государство, или Цена порядка. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 160 с.
- Детярев А.А. 2004. Принятие политических решений : учеб. пособие. М. : КДУ. 416 с.
- Дьякова Е.Г. 2006. Конструирование и легитимация социальных проблем в процессе установления повестки дня // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Вып. 6. С. 188-211.

Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. 2017. Механизмы «soft power»: как локальная административная мода становится глобальной // Дискурс-Пи. № 3-4 (28-29). С. 229-236.

Кристи Н., Бруун К. 2004. Удобный враг: политика борьбы с наркотиками в Скандинавии. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия. 272 с.

Малахов В. 2013. Техника безопасности: политика страха как инструмент управления // Отечеств. записки. № 2 (53). С. 150-163.

Полач Д. 2010. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журн. исслед. социал. политики. Т. 8, № 1. С. 7-12.

Рогозин Д. 2012. Обзор публикаций о коррупции // Отечеств. записки. № 2 (47). С. 24-39.

Седлениекс К. 2007. Параллель между Латвией и азанде: коррупция как колдовство в латвийском обществе переходного периода // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. СПб.: Алетейя. С. 191-212.

Ясавеев И.Г. 2004. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 200 с.

Ясавеев И.Г. 2016. Риторика контролируемого бедствия: специфика конструирования ФСКН проблемы потребления наркотиков // Журн. исслед. социал. политики. Т. 14, № 1. С. 7-22.

Buzan B., Waever O. 2003. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 570 p.

Buzan B., Waever O., Wilde J. de 1998. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers Inc. 239 p.

Cobb R.W., Elder Ch.D. 1983. Participation in American Politics: The Dynamics of Agenda-Building. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press. 196 p.

Gusfield J.R. 1981. The Culture of Public Problems: Drinking-Driving and the Symbolic Order. Chicago: Univ. of Chicago Press. 278 p.

Jones Ch.O. 1970. An Introduction to the Study of Public Policy. Belmont: Duxbury Press. 170 p.

**Dmitry V. Bereznyakov**, Candidate of Political Science, Associate Professor, Head of Public Administration Department, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia. E-mail: bereznyakov@ngs.ru.

**Sergey V. Kozlov**, Candidate of History, Associate Professor, Dean of Politics and International Relations Faculty, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia. E-mail: feld71@mail.ru.

## **ANTI-CORRUPTION POLICY AND SECURITYZATION OF SOCIAL PROBLEMS**

*Abstract.* Anti-corruption policy and discourse constitutes key elements of the political-administrative framework of neoliberalism on the global and

nation-state level. At the same time, scholarly consideration of this topic requires disengagement from its normative ideological premise, which seeks to legitimize a particular level of the state administrative efficiency. In that context, corruption can be viewed as a social problem actively constructed by various public policy actors using a range of rhetorical strategies. Successful “public career” of a socially constructed problem, and its chances “to make it” into the institutional agenda of government bodies is determined both by the resources of the actors advancing it, and by essential elements of the problem – the means, by which a particular segment of social reality is thematically defined. If the scholarly focus is placed on institutional actors that participate in implementing various political courses, the phenomenon of corruption can be named “a convenient enemy” of the state. Reconstructing strategic behavior of defense and law enforcement agencies of modern states in the public sphere allows us to focus on the strategies they use to protect their stable functions, and building up careers of their members on the notion of the permanence of these social problems. Therefore, the agencies face a dual task: to constantly assert the gravity of corruption as a major problem while demonstrating the effectiveness of administrative and law enforcement practices of confronting it. Thus, corruption as a state’s “convenient enemy” can potentially be subjected to securitization and designated as a security threat. Corruption as a securitized problem then becomes an activity target for professional technocrats and special services, which minimize involvement of civil society representatives in the process of solving the problem. Ultimately, the logic of securitization could lead to agency’s monopoly in formulating problems and means to resolve them, and transforming relevant political procedures into extraordinary emergency-based measures.

*Keywords:* anti-corruption policy; policy cycle; “convenient enemy”; securitization; social problem.

## References

Bekker G. *Autsaydery: issledovaniya po sotsiologii deviantnosti* [Outsiders: studies in sociology of deviance], Moscow, Elementarnye formy, 2018, 272 p. (in Russ.).

Bourdieu P. *O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992)* [About the state: lectures at the Collège de France (1989–1992)], Moscow, Izdatel'skiy dom «Delo», 2016, 720 p. (in Russ.).

Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2003, 570 p.

Buzan B., Waever O., Wilde J. de *Security: A New Framework for Analysis*, Boulder, CO, Lynne Rienner Publishers Inc., 1998, 239 p.

Bychkova O.V. «*Umnoe regulirovanie*»: kak predotvratit' poyavlenie neobosnovannykh reguliruyushchikh pravil [“Smart regulations”: How to prevent unreasonable regulations], St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018, 392 p. (in Russ.).

Christie N., Bruun K. *Udobnyy vrag: politika bor'by s narkotikami v Skandinavii* [A convenient enemy: drug policy in Nordic countries], Moscow, Tsent sodeystviya reforme ugolovnogo pravosudiya, 2004, 272 p. (in Russ.).

Cobb R.W., Elder Ch.D. *Participation in American Politics: The Dynamics of Agenda-Building*, Baltimore, The Johns Hopkins Univ. Press, 1983, 196 p.

Deptyarev A.A. *Prinyatie politicheskikh resheniy* [Policy decision-making], Moscow, KDU, 2004, 416 p. (in Russ.).

Dyakova E.G. *Konstruirovaniye i legitimatsiya sotsial'nykh problem v protsesse ustanovleniya povestki dnya* [Construction and legitimization of social problems in the process of agenda setting], *Nauchyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2006, iss. 6, pp. 188-211. (in Russ.).

Dyakova E.G., Trakhtenberg A.D. *Mekhanizmy «soft power»: kak lokal'naya administrativnaya moda stanovitsya global'noy* [Mechanisms of “soft power”: how the local management fashion becomes global], *Diskurs-Pi*, 2017, no. 3-4 (28-29), pp. 229-236. (in Russ.).

Gusfield J.R. *The Culture of Public Problems: Drinking-Driving and the Symbolic Order*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1981, 278 p.

Jones Ch.O. *An Introduction to the Study of Public Policy*, Belmont, Duxbury Press, 1970, 170 p.

Malahov V. *Tekhnika bezopasnosti: politika strakha kak instrument upravleniya* [Safety: fear policy as a management tool], *Otechestvennyye zapiski*, 2013, no. 2 (53), pp. 150-163. (in Russ.).

Polach D. *Sotsial'nye problemy s konstruksionistskoy tochki zreniya* [Social problems from the constructionist point of view], *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2010, vol. 8, no. 1, pp. 7-12. (in Russ.).

Rogozin D. *Obzor publikatsiy o korruptsii* [Review of publications about corruption], *Otechestvennyye zapiski*, 2012, no. 2 (47), pp. 24-39. (in Russ.).

Sedlenieks K. *Parallel' mezhdu Latviy i azande: korruptsiya kak koldovstvo v latviyskom obshchestve perekhodnogo perioda* [Parallel between Latvia and azande: corruption as witchcraft in the Latvian society of the transition period], *Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskiy podkhod k issledovaniyu korruptsii*, St. Petersburg, Aleteya, 2007, pp. 191-212. (in Russ.).

Vandyshcheva E.A. *Evolutsiya kontsepta «politicheskaya povestka» v zarubezhnykh politologicheskikh issledovaniyakh* [Evolution of the concept “political agenda” in foreign political studies], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 4, pp. 91-99. (in Russ.).

Volkov V.V. *Gosudarstvo, ili Tsena poryadka* [State, or Price of order], St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018, 160 p. (in Russ.).

Yasaveev I.G. *Konstruirovaniye sotsial'nykh problem sredstvami massovoy kommunikatsii* [Construction of social problems by mass communication], Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2004, 200 p. (in Russ.).

Yasaveev I.G. *Ritorika kontroliruemogo bedstviya: spetsifika konstruirovaniya FSKN problemy potrebleniya narkotikov* [Rhetoric of controlled disaster: the specific character of the Federal drug control service of drug use], *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 7-22. (in Russ.).